

Любовь Нидерле

**Человечество в
доисторические времена**

**Доисторическая археология
Европы и в частности
славянских земель**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Л93

Л93 **Любовь Нидерле**
Человечество в доисторические времена: Доисторическая археология Европы
и в частности славянских земель / Любовь Нидерле – М.: Книга по Требованию,
2016. – 698 с.

ISBN 978-5-4241-9700-0

Перевод с чешского О. К. Волкова, под редакцией Д. Н. Анучина с 459-ю
рисунками и картою.

ISBN 978-5-4241-9700-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ныхъ по доисторической археологіи и антропологіи, не можетъ, поэтому, основываться лишь на результатахъ изслѣдованій въ Западной Европѣ; онъ долженъ быть одинаково знакомымъ какъ съ археологической литературой романскихъ и германскихъ странъ, такъ и славянскихъ, имѣть достаточное понятіе о находкахъ и изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ не только на Западѣ, но и въ Австро-Венгріи, Россіи, Финляндіи и т. д. Въ этомъ заключается существенная трудность изложенія данныхъ о доисторическомъ періодѣ челоуѣчества согласно ихъ современному состоянію,—трудность, съ которой приходится считаться какъ западнымъ изслѣдователямъ, такъ и русскимъ, и первымъ, можетъ быть, даже въ большей степени, въ виду обычнаго незнакомства ихъ съ русскимъ и другими славянскими языками.

Вотъ почему, ни въ западно-европейскихъ литературахъ, ни въ русской мы не встрѣчаемъ за послѣднее время ни одного сочиненія, которое бы давало достаточно удовлетворительное понятіе о совокупности результатовъ, достигнутыхъ наукой о доисторическихъ древностяхъ на всемъ пространствѣ отъ Атлантическаго океана до Сибири, и отъ Скандинавіи—до Греціи и Малой Азіи. Всѣ такія сочиненія трактуютъ обыкновенно или о древностяхъ западной Европы съ нѣкоторыми лишь добавленіями объ аналогичныхъ древностяхъ Россіи и ея азиатскихъ окраинъ, или—имѣютъ въ виду, по преимуществу, древности Россіи съ нѣкоторымъ лишь ихъ освѣщеніемъ однородными фактами изъ археологіи Западной Европы. Попытки соединить въ одномъ обзорѣ западную доисторическую старину съ восточною, связать древнѣйшую культуру романо-германской Европы съ соответственными культурными эпохами славяно-восточнаго міра, можно было ожидать всего скорѣе отъ изслѣдователя изъ западныхъ славянъ, который соединялъ бы въ своемъ лицѣ нѣмецкую эрудицію съ званіемъ славянскихъ языковъ и древностей, и былъ бы знакомъ ближе съ современнымъ состояніемъ русской археологіи. Такой изслѣдователь, дѣйствительно, и нашелся въ лицѣ профессора Пражскаго (чешскаго) университета д-ра Любора Нидерле, давно уже занимающагося антропологіей и археологіей, хорошо знакомаго съ древностями своей родины, Австро-Венгріи, равно какъ и съ литературой и музеями Западной Европы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомившагося обстоятельно и съ доисторическими древностями Россіи, какъ путемъ изученія русской археологической литературы, такъ и главнѣйшихъ русскихъ музеевъ, обстоятельно осмотрѣнныхъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Изданное имъ сочиненіе *Lidstvo v době předhistorické* (Praha 1893) представило собою интересную и цѣнную попытку обзора доисторической археологіи въ Европѣ вообще и въ славянскихъ странахъ въ частности обзора, тѣмъ болѣе заслужившаго вниманія, что онъ сопровождался массою рисунковъ, давшихъ наглядное понятіе о разнообразныхъ видахъ и типахъ описываемыхъ древностей.

Къ сожалѣнію, сочиненіе д-ра Л. Нидерле, какъ написанное и изданное на чешскомъ языкѣ, могло быть доступно только ограниченному кругу читателей. Особенно желательнымъ было видѣть его въ русскомъ переводѣ, въ качествѣ руководства для ознакомленія русскихъ

читателей съ совокупностью данныхъ о доисторическихъ временахъ Европы, съ поставленіемъ однако на первый планъ—древностей славянскихъ. Поэтому я не могъ не порадоваться, когда получалъ изъ Парижа, отъ нашего соотечественника О. Е. Деникера, извѣстнаго антрополога, бібліотекаря парижскаго Музея Естественной Исторіи, извѣщеніе, что за переводъ книги Нидерле жадеетъ издатель Ѳ. К. Волковъ, членъ Парижскаго Антропологическаго Общества, спеціально занимающійся этнографіей и антропологіей славянъ*). Затрудненіе заключалось только въ присканіи лица, которое бы изъявило готовность принять на себя расходы по изданію такой книги, довольно значительной по размѣрамъ и иллюстрированной притомъ множествомъ рисунковъ. Я рѣшился обратиться къ Л. Ф. Пантелѣву, который и изъявилъ любезно готовность принять на себя изданіе книги, поставивъ однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы я взялъ на себя редакцію перевода. Пришлось по необходимости согласиться на это условіе, не смотря на всю его трудность для меня,—трудность, обусловленную главнымъ образомъ массою времени, требовавшегося на просмотръ текста перевода и исправленія его въ оригиналъ и въ корректурахъ, причѣмъ однако я могъ взять на себя только просмотръ со стороны содержанія и слога, но не въ отношеніи къ вѣрности передачи чешскаго текста, оставляя отвѣтственность за это всецѣло на переводчикѣ, хорошо знающемъ чешскій языкъ и пользовавшемся къ тому же указаніями самого г. Нидерле, владѣющаго въ достаточной степени русскимъ языкомъ и просматривавшаго переводъ въ корректурахъ.

Необходимо еще прибавить, что настоящая книга является не простымъ переводомъ чешскаго сочиненія, какъ оно было издано въ 1893 году. Д-ръ Нидерле, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться въ бытность его въ Москвѣ, а потомъ бесѣдовать лѣтомъ 1895 г. въ Прагѣ, изъявилъ готовность приложить всѣ старанія къ тому, чтобы дополнить свой трудъ новыми данными и вообще исправить и обновить его во всѣхъ частяхъ, что имъ и было выполнено съ возможною тщательностью. Каждый печатный листъ оригинала доставлялся авторомъ переводчику съ поправками, вставками, дополненіями, послѣдняя глава была совершенно передѣлана, а равно приложены мѣстами новыя, иногда довольно обширныя примѣчанія. Такимъ образомъ, русскій переводъ является вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно новымъ, исправленнымъ и значительно дополненнымъ изданіемъ книги д-ра Нидерле. Кромѣ того, кое-гдѣ вставлены еще примѣчанія переводчика и отъ редакціи, въ тѣхъ случаяхъ, когда это вызывалось достаточною необходимостью (всѣ такія примѣчанія имѣютъ соответственныя отмѣтки). Дѣлалось это, впрочемъ, сравнительно рѣдко, такъ какъ измѣнять въ большей степени взгляды и изложеніе автора ни переводчикъ, ни редакторъ не считали себя въ правѣ, хотя бы и были иногда не совсѣмъ съ нимъ

*) Изъ работъ Ѳ. К. Волкова, появившихся въ послѣднее время большей частью на французскомъ языкѣ, особенно обратила на себя вниманіе большая статья „Rites et usages rituels en Ukraine“ въ журналѣ „L'Anthropologie“, въ которомъ онъ состоитъ однимъ изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ.

согласны. Предлагаемая книга есть трудъ д-ра Нидерле, который и является отвѣтственнымъ за изложенные въ ней факты, мнѣнія и гипотезы. Мы съ О. К. Волковымъ, не можемъ, напр., считать строго доказанною теорію г. Нидерле относительно рѣзкаго измѣненія физическаго типа славянъ въ теченіе послѣднихъ тысячи лѣтъ и—причинъ, которыя могли вызвать такое коренное измѣненіе. Возможно также сомнѣваться въ утвержденіяхъ г. Нидерле относительно существованія гончарнаго искусства и погребальныхъ обычаевъ въ палеолитическую эпоху, находенія височныхъ колець исключительно въ славянскихъ могилахъ, нѣкоторыхъ мнѣній о находкахъ каменнаго вѣка въ Россіи и т. п., но авторъ основываетъ свои утвержденія на извѣстныхъ доказательствахъ, которыя и могутъ подлежать критическому разбору. Археологическіе факты допускаютъ нерѣдко различныя толкованія, и попытка освѣтить ихъ извѣстнымъ обобщеніемъ или гипотезой могутъ иногда приносить существенную пользу, уже однимъ тѣмъ, что способны останавливать большее вниманіе на этихъ фактахъ и вести къ пересмотру и пополненію соответственныхъ данныхъ.

Изданіе настоящей книги, начатое въ 1895 г., могло закончиться только къ концу 1897 г. Объясняется такая медленность тѣмъ, что каждый листъ требовалъ дополненій автора, труда переводчика, исправленія редакторомъ въ оригиналѣ и затѣмъ въ корректурѣ, что, ввиду необходимости для того сношеній между Прагой, Парижемъ, Москвою и Петербургомъ, не могло не вызывать задержекъ въ печатаніи. Какъ бы то ни было, дѣло доведено до конца, и остается только пожелать, чтобы новое сочиненіе, способное служить руководствомъ по доисторической археологій Европы и славянскихъ странъ, было встрѣчено сочувственно русской публикой и содѣйствовало бы распространенію интереса къ изученію древнѣйшей культуры вообще и къ изслѣдованію ея памятниковъ въ предѣлахъ нашего отечества—въ особенности.

Москва. 23 ноября 1897 г.

Д. Анучинъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Что такое доисторическая археология. — Отношение ея къ антропологii и исторii. — Ея задачи и методы. — Очеркъ развитiя доисторической археологii. — Современное состоянiе этой науки; археологическiя учрежденiя, общества, съезды, периодическiя изданiя и главнѣйшая общая литература.

Доисторическая археологiя есть наука, имѣющая своимъ предметомъ изслѣдованiе культуры человѣчества въ доисторическiя времена, т. е. въ тѣ времена, о которыхъ мы не имѣемъ ни печатныхъ, ни письменныхъ извѣстiй, и о культурѣ которыхъ мы можемъ судить только по памятникамъ и случайно сохранившимся остаткамъ или по неяснымъ народнымъ преданiямъ и аналогическимъ явленiямъ въ жизни нынѣшнихъ примитивныхъ народовъ ¹⁾.

Въ послѣднее время у насъ и въ другихъ странахъ названiя: доисторическая «археологiя» и доисторическая «антропологiя» часто употребляются одно вмѣсто другого. Во всякомъ случаѣ гораздо лучше точно различать эти термины и названiе «доисторическая антропологiя» употреблять для обозначенiя науки, которая имѣетъ въ виду происхожденiе, развитiе и видоизмѣненiя человѣка въ доисторическiя времена со стороны только тѣлесной. Родственность этихъ двухъ наукъ обуславливается, главнымъ образомъ, тѣмъ что обѣ онѣ—и доисторическая археологiя и доисторическая антропологiя—занимаются человѣкомъ одной и той-же эпохи, достаточно ограниченной, при чемъ постоянно одна сторона вещественно обуславливается другою и одна наука помогаетъ другой. Въ той же могилѣ, которая интересуетъ археолога остатками культуры, способомъ погребенiя и снаряженiя мертвеца и т. п., находятъ и остатки человѣческаго тѣла—болѣе или менѣе сохранившiяся кости. Отсюда близкое соприкосновенiе этихъ двухъ

¹⁾ Это введенiе представляеть собой отчасти пзвлеченiе пзъ статьи: «Několi k slov o rěstování archeologie v Čechách», напечатанной въ журн. Český Lid (I, стр. 317), въ которой авторъ говоритъ подробно о задачахъ археологii, особенно чешской.

наукъ, отсюда и ихъ родственность. Но родственность эта—только въѣшняя. Изслѣдованіе эволюціи доисторической культуры въ Европѣ и изслѣдованіе физической эволюціи европейскихъ племенъ и народовъ — двѣ вещи совершенно различныя, хотя взаимно другъ друга и обусловливаюція. Проникновеніе новаго племени въ среду стариннаго населенія, скрещиваніе съ нимъ естественно ведутъ за собою и измѣненія въ культурѣ, изаѣненія же въ культурѣ, въ свою очередь, помогаютъ подобнымъ сліяніямъ и физическимъ измѣненіямъ.

Что такое доисторическій бытъ человѣка? Это все то, что происходило съ человѣчествомъ до того предѣла времени, съ котораго начинаются письменныя извѣстія. Предѣлъ этотъ не представляетъ собой ровной и опредѣленной черты. Исторія не у всѣхъ народовъ начинается съ одного и того-же времени и очень часто бываетъ невозможно рѣшить, что относится къ періоду историческому и что къ доисторическому. Въ тѣ времена, когда сѣверная Европа и славяне находились еще во тьмѣ, Италия, Греція и прочія страны, лежація около Средиземнаго моря, давно уже были озарены свѣтомъ исторіи. Наконецъ письменные памятники Ассиріи, Халдеи, Египта и пр. ведутъ насъ далеко и очень далеко во времена, предшествовавшія нашей эрѣ. Когда человѣкъ Средней Европы жилъ еще въ лѣсахъ подъ жалкой кровлей изъ вѣтвей или прутьевъ, когда съ грубо отесаннымъ каменнымъ топоромъ въ рукахъ онъ гонялся за звѣремъ или защищалъ свой очагъ отъ хищныхъ животныхъ или неприятелей, египтяне воздвигали уже храмы и города, строили великолѣпные памятники мертвымъ, покрывали стѣны ихъ письменами, украшали живописью и статуями,—словомъ, жили въ состояніи культуры, для развитія которой необходимо признать существованіе длиннаго ряда предшествовавшихъ столѣтій. Граница между историческимъ и доисторическимъ періодами такимъ образомъ очень различна хронологически. Доисторическій періодъ Греціи съ нашей точки зрѣнія короче, чѣмъ подобный же періодъ Средней Европы.

Намъ неизвѣстны политическія событія доисторическихъ временъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что какъ въ позднѣйшія эпохи, такъ и въ тѣ давно минувшія времена бывали споры, ссоры и столкновенія, что чередовались владѣтели тамъ, гдѣ человѣчество доразвилось уже до извѣстныхъ общественныхъ формъ, что существовало уже то, что составляетъ предметъ политической исторіи — но обо всемъ этомъ мы ничего не знаемъ. Изъ всей жизни человѣчества въ доисторическія времена мы можемъ составить себѣ только картину его матеріальной и духовной культуры, на основаніи того, что говорятъ намъ сохранившіеся остатки, преданія и аналогіи.

Переходя къ обозначенію задачъ доисторической археологіи, мы считаемъ умѣстнымъ и необходимымъ сказать сначала нѣсколько словъ объ ея важности и значеніи. Наука эта встрѣчаетъ извѣстное расположеніе къ себѣ,

и въ довольно широкихъ кругахъ публики — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но зато въ болѣе узкихъ кругахъ людей, занимающихся точными науками, или по крайней мѣрѣ болѣе точными, чѣмъ археологія, на нее долго смотрѣли — да и до сихъ поръ еще смотреть — съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Это однако заблужденіе. Безъ сомнѣнія, предубѣжденіе противъ археологіи вызывается главнымъ образомъ тѣмъ, что наукой этой, кажушейся съ перваго взгляда очень доступной, занимается много людей непосвященныхъ, простыхъ диллетантовъ. Но слишкомъ несправедливо судить о наукѣ по такого рода адептамъ ея. Никто не исключаетъ изъ числа наукъ зоологію и ботанику, хотя и ими занимаются иногда непосвященные. Доисторическая археологія не заключается въ раскапываніи кургановъ и описываніи старинныхъ урвъ съ пепломъ, точно также какъ описаніе одеждъ, утвари и хатъ известной страны не составляетъ еще исторіи культуры. Эти первоначальные, мелкіе матеріалы необходимы для познанія того, что представляетъ конечную цѣль этой науки. Разумѣется и эта работа необходима, и тотъ кто провелъ всю свою жизнь выкапывая, разсматривая и описывая отдѣльныя находки — хорошо исполнилъ свою задачу. Но это не составляетъ еще цѣли доисторической археологіи. Ея задача не заключается и въ томъ, чтобы собирать древности, аккуратно отчищать ихъ и выставлять въ музеяхъ съ надписями откуда тотъ или другой предметъ или кто былъ его благороднымъ жертвователемъ...

Задача доисторической археологіи иная — и, можно сказать, двойная: одна болѣе узкая, другая болѣе широкая. Первая, болѣе узкая, задача является результатомъ чувства патриотизма и національности, унаслѣдованнаго нами отъ предковъ или вызваннаго у насъ воспитаніемъ. Это чувство между прочимъ побуждаетъ насъ болѣе изучать *свой* народъ и его исторію. Очень естественно, что особенно въ послѣднее время, когда національныя чувства получили такое развитіе, каждый невольно старается этому содѣйствовать и приносить свой вкладъ въ изученіе своего народа. Въл мы постоянно видимъ, что чувство національности играетъ большую роль и въ археологіи. Чуть-ли не въ каждой выходящей у чеховъ книжкѣ мы находимъ упреки тому или другому за то, что онъ сгребаетъ все для нѣмцевъ, не давая славянамъ того, что принадлежитъ имъ по праву, а взявши нѣмецкую книжку, читаемъ подобныя же вещи, но только направленныя противъ чеховъ. Нѣтъ надобности доказывать, что обѣ стороны бываютъ правы, подъ влияніемъ того чувства, которое ими руководитъ; въ дѣйствительности трудно встрѣтить вполнѣ научную объективность въ тѣхъ наукахъ, которыя занимаются изслѣдованіемъ исторіи и прогресса культуры, цивилизаціи вообще и отдѣльныхъ народовъ въ частности, и притомъ постоянно принуждены сравнивать между собой и оцѣнивать разные виды культуры. Но то невыгодное влияніе, которое оказываетъ въ этомъ случаѣ чувство національности, вознаграждается съ

другой стороны происходящимъ, благодаря ему-же, усиленіемъ научной дѣятельности. Пробудите въ самомъ маленькомъ народѣ чувство національнаго самосознанія и онъ сейчасъ же начнетъ работать интензивнѣе, въ особенности для изслѣдованія своего прошлаго. А въ изслѣдованіи прошлаго опять необходимо придетъ къ той границѣ, которая отдѣляетъ историческія времена отъ доисторическихъ и затѣмъ уйдетъ еще дальше въ ту отдаленную эпоху, которая и составляетъ предметъ доисторической археологіи и доисторической антропологіи.

Такимъ образомъ болѣе узкая задача доисторической археологіи состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать познанію древнѣйшихъ культурныхъ стадій извѣстной страны и народа.

Но доисторическая археологія идетъ далѣе. Не одна исторія своего народа составляетъ задачу археолога. Онъ ясно сознаетъ, что исторія эта — только часть исторіи человѣчества, съ которой она соединена такой неразрывной связью, при которой невозможно пониманіе части безъ пониманія цѣлаго. Это приводитъ его къ изученію общей доисторической археологіи и первобытнаго состоянія человѣчества вообще. Сколько открывается передъ нами новыхъ горизонтовъ по пути въ отдаленное {прошлое, по мѣрѣ приближенія къ самымъ началамъ человѣчества!

Пользуясь въ своихъ трудахъ результатами, добытыми цѣлымъ рядомъ другихъ наукъ, археологія даетъ намъ картину первобытнаго человѣчества. Съ своей стороны, это цѣльное, наглядное изображеніе того, какъ возникло и начало развиваться человѣчество, оказываетъ безконечныя услуги философіи, естествовѣдѣнію и другимъ наукамъ и даетъ прочныя основы нашему міросозерцанію. Приведемъ по крайней мѣрѣ одинъ примѣръ. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, въ какой степени измѣнила наши философскіе взгляды теорія эволюціи, особенно тамъ, гдѣ она касается человѣчества, его происхожденія, образа и подобія первобытнаго человѣка, его предшественниковъ и т. п. А кому же обязана наука наиболѣе компетентными отвѣтами на всѣ эти вопросы какъ не геологамъ и людямъ занимающимся доисторической археологіей?

Не забудемъ также и о томъ громадномъ значеніи, какое имѣетъ доисторическая археологія для сравнительной этнографіи. Само собою разумѣется, что значеніе это взаимно. Одна наука безпрестанно помогаетъ другой. Жизнь европейскаго человѣка въ доисторическія времена очень во многомъ выясняется для насъ жизнью современныхъ намъ примитивныхъ народовъ. Кажется, можно считать несомнѣннымъ, что для всего человѣчества существуютъ одни и тѣ-же законы развитія, которые обуславливаютъ одинаковость культуры, и только чисто внѣшнія вліянія, различія въ средѣ, нарушаютъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ это равномѣрное, вытекающее изъ внутреннихъ законовъ,

однообразіе и создаютъ индивидуальныя признаки культуры отдѣльныхъ народовъ. Основы же ея вездѣ одинаковы. Такимъ образомъ доисторическая археологія столько же помогаетъ этнографіи, сколько эта послѣдняя — ей.

Таковы обстоятельства, дающія по справедливости мѣсто археологіи не только между науками — наукой называется всякое систематическое изслѣдованіе известной области знанія при помощи правильнаго метода, — но и между науками, имѣющими особое значеніе, важность которыхъ заключается не въ одномъ расположеніи къ нимъ широкаго круга публики, но и въ томъ, что онѣ дѣйствительно помогаютъ рѣшенію проблемъ, занимающихъ въ нынѣшнія времена наиболѣе видное мѣсто въ нашемъ умственномъ кругозорѣ.

Методъ. Доисторическая археологія имѣетъ два главныхъ источника, изъ которыхъ черпаетъ свои свѣдѣнія: 1) сохранившіеся памятники и 2) аналогіи изъ жизни современныхъ первобытныхъ народовъ. Первые служатъ ей основаніемъ, вторые ее оживляютъ.

Первый источникъ разрабатывается главнымъ образомъ методомъ историческимъ. Имѣя дѣло съ какой-нибудь находкой, прежде всего стараются установить ея хронологическую дату. Это опредѣленіе даты почти вѣсегда не бываетъ абсолютнымъ, но почти всегда только относительнымъ; оно даетъ только хронологическое отношеніе одной находки къ другимъ. Отдѣльная находка почти всегда носитъ на себѣ нѣкоторые признаки, которые были уже наблюдаемы на другихъ, и съ помощію ихъ опредѣляется ея относительная древность, т. е. или принадлежность ея къ какой-нибудь болѣе древней или болѣе новой эпохѣ, или современность съ какою-нибудь уже известной группой.

Результатомъ такого хода изслѣдованія является спеціальныи археологическій методъ, выработанный главнымъ образомъ сѣверно-европейскими учеными, такъ называемый типологическій методъ¹⁾, съ помощію котораго по отдѣльнымъ предметамъ вещественной культуры стараются опредѣлить время и мѣсто ихъ происхожденія и ихъ первичную форму, а затѣмъ прослѣдить ея дальнѣйшее развитіе и географическое распространеніе, съ тѣми видоизмѣненіями, которымъ она подвергалась подъ вліяніемъ разныхъ мѣстныхъ условій и т. д. При помощи типологическаго метода особенно хорошо удаются датированіе находокъ и опредѣленіе разныхъ культурныхъ вліяній на отдѣльныя страны. Но для примѣненія этого метода изслѣдователь прежде

¹⁾ Очень интересенъ споръ о значеніи этого метода, возникшій между защитникомъ его О. Монтелиусомъ и датскимъ ученымъ Софусомъ Мюллеромъ. О. Montelius. Den forhistoriska fornforskarens Metod och material. (Ср. рефератъ объ этомъ въ Archiv für Anthropologie XVI, стр. 645). Хорошія замѣчанія объ этомъ методѣ можно найти въ соч. Ing. Undset'a: Etudes de l'âge du bronze en Hongrie, стр. 39 и слѣд.

всего долженъ овладѣть очень обширнымъ матеріаломъ. Затѣмъ онъ отыскиваетъ въ этомъ матеріалѣ отдѣльные типы, устанавливаетъ ихъ различія, опредѣляетъ ихъ распространеніе и мѣста ихъ происхожденія, при чемъ часто недостаточно бываетъ опредѣлять только статистически, гдѣ извѣстный типъ чаще всего встрѣчается. Труднѣе всего находить въ каждой группѣ возникновеніе и эволюцію типа. «Типъ, говоритъ Н. Ундсетъ, не представляетъ собою организма, который бы росъ и развивался изъ своихъ внутреннихъ началъ, а является результатомъ довольно произвольной человѣческой изобрѣтательности. Вслѣдствіе этого опредѣленіе среднихъ формъ часто приводитъ къ ошибкамъ. Необходимо также никогда не забывать и того, что одинаковые признаки культуры далеко не всегда могутъ быть доказательствомъ ихъ взаимнаго соприкосновенія и очень часто являются въ различныхъ мѣстностяхъ вполнѣ самостоятельно. Въ высшей степени осторожнымъ слѣдуетъ также быть и съ обобщеніями. Посредствомъ же изученія отдѣльныхъ фактовъ наука приходитъ къ составленію цѣльной картины жизни той или другой эпохи съ выясненіемъ всѣхъ условій, результатомъ которыхъ являются находимые памятники старины.

Большія услуги оказываетъ доисторической археологін и сравнительный методъ, но мы не думаемъ, чтобы были правы тѣ, которые въ послѣднее время отдаютъ преимущество этому методу, какъ первому и единственно цѣлесообразному требованію новѣйшаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, методъ этотъ принесъ уже много пользы и, несомнѣнно, принесетъ еще болѣе. Мы раньше упоминали уже о томъ, что изученіе нынѣшнихъ примитивныхъ народовъ много содѣйствовало изученію первобытнаго состоянія европейскаго человѣка; жизнь, которую мы наблюдаемъ у нихъ до сихъ поръ, была, судя по сохранившимся остаткамъ, такою-же и въ доисторической Европѣ. Дошедшіе до насъ памятники представляютъ по большей части только нѣчто въ родѣ внѣшняго скелета, внутренняя жизнь котораго выясняется для насъ главнымъ образомъ аналогіей съ жизнью нынѣшнихъ примитивныхъ народовъ. Въ историческомъ обзорѣ развитія археологін мы укажемъ, какъ съ тѣхъ поръ только, когда сдѣлалось возможнымъ пользоваться этими аналогіями и сравнивать то, что было найдено въ европейскихъ раскопкахъ, съ тѣмъ, что бытуетъ еще у дикарей, доисторическая археологія поднялась на степень науки. Главнымъ образомъ при помощи ихъ мы составляемъ себѣ понятіе о жизни нашихъ предковъ¹⁾.

¹⁾ Кроме упомянутыхъ нами двухъ источниковъ доисторической археологін, въ послѣднее время немалыя услуги оказываются ей и языковѣднѣемъ, именно тою частью ея, которая извѣстна подъ именемъ лингвистической палеонтологін. О. Schraeder на основаніи чисто филологическихъ данныхъ далъ интересную картину первобытной культуры индо-европейскихъ народовъ.